

18+

ОЛЬГА КОЛОДЯЖНАЯ

**ЧЕРЕЗ БОЛЬ,
НО НА ВОЛЮ**

Ольга Колодяжная
Через боль, но на волю.
Дневник матери

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57438224
ISBN 9785005134929*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Если вас коснулась тема наркомании, то эта книга для вас. Это исповедь матери, дочь которой долгое время находилась в наркотической зависимости. Одновременно это размышления о путях выздоровления от тяжелого недуга, основанного на личном опыте. Эта книга может стать отправной точкой для тех, кто ищет выход, надеется и продолжает бороться.

Содержание

ОТ АВТОРА	6
Как начиналась эта книга	7
Начало	10
Просмотрела	15
Первый августовский крик	20
Самообман	28
Новый «друг»	31
Страх	33
Поиски выхода	36
Мы к вам в гости, дайте денег!	39
Первое предупреждение	42
Где моя дочь?	46
Дочь – воровка?	49
Нужно достичь дна	51
Меня спасла Дуся	54
Плотик в бурном море	57
Проба анализа	60
Детство	64
Отец	68
Деды	71
Предтеча	74
Очень православные	78
Страшный август	81

Не плати	83
Тюрьма	88
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Через боль, но на волю Дневник матери

Ольга Колодяжная

*Мы, как видно, другой породы,
если с маху и на лету
в диком вакууме свободы
мы разбились о пустоту.*

Игорь Губерман

© Ольга Колодяжная, 2020

ISBN 978-5-0051-3492-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРА

Как человек и как журналист знаю, что чужой опыт помогает найти выход из своей беды. В одной из командировок, когда разум затмевался отчаянием от мыслей о дочери, мне попалась книга Жаклин Фавр, матери наркомана из Швейцарии, «Осторожно, героин!». Я прочитала ее залпом в поезде, и в моей смуте появилась искра надежды и света. Сегодня мое глубокое убеждение, что в наше время, время эпидемии наркомании, крайне необходимо делиться опытом преодоления, чтобы понимать болезнь, видеть свои ошибки, находить выходы из тупиков. Я видела рядом с собой много людей, которые боялись даже думать о наркомании.

Эпидемия наркомании давно бушует в стране, а мы все прячемся от стучащей в наши дома беды, а когда эта беда взрывается, в ужасе и растерянности теряем силы и время. Но мудрость жизни в том, что если ты информирован, то уже вооружен.

Ольга Колодяжная

Симферополь, 2020

Для связи и личных консультаций:

+7 978 806 14 66

olga_promin@mail.ru

Как начиналась эта книга

Когда я задумала эту книгу, моя дочь сидела в тюрьме. Срок был маленький, но я надеялась, что его будет достаточно, чтобы у нее вызрело желание жить без наркотиков. Позади – несколько лет настоящего ада, впереди – надежда: она вернется, и мы начнем с чистого листа.

Как человек и как журналист знаю, что чужой опыт помогает найти выход из своей беды. В одной из командировок, когда разум затмевался отчаянием от мыслей о дочери, мне попала книга Жаклин Фавр, матери наркомана из Швейцарии, «Осторожно, героин!». Я прочитала ее залпом в поезде, и в моей смуте появилась искра надежды и света. Сегодня мое глубокое убеждение, что в наше время, время эпидемии наркомании, крайне необходимо делиться опытом преодоления, чтобы понимать болезнь, видеть свои ошибки, находить выходы из тупиков. Я видела рядом с собой много людей, которые боялись даже думать о наркомании. Эпидемия наркомании давно бушует в стране, а мы все прячемся от стучащей в наши дома беды, а когда эта беда врывается, в ужасе и растерянности теряем силы и время. Но мудрость жизни в том, что если ты информирован, то уже вооружен.

У меня есть привычка записывать и анализировать происходящее. Мой дневник матери наркоманки сродни тому, когда смертельно больной исследователь начинает фиксиро-

вать этапы своей болезни и применение нового лекарства. Он делает это, понимая, что его дневник, даже при смертельном исходе, может стать полезным для последователей и поможет найти эффективное лекарство. Эта книга – мой личный опыт и моя личная исповедь. И еще, я надеюсь, эта книга будет инструментом в работе с родителями наркоманов, если мне помог опыт других, значит, и мой опыт может тоже кому-то помочь... Многие из родственников наркоманов, измученные болезнью близкого, не могут услышать и понять, что им делать. Я такая же, как они, мне хорошо знакома их боль, и я надеюсь, что эта книга станет мостом между нашими сердцами.

Несколько лет я не могла закончить эту книгу. Развеялись иллюзии – вот выйдет дочь из тюрьмы и больше не будет ничего плохого, мы пойдем ровной и светлой дорогой... А дорога оказалась очень неровной, с большими ямами и извилинами.

Наркомания – это болезнь не только моей дочери или проблема моей семьи. Это болезнь общества и всей планеты. Вылечить общество не в наших силах, но исправить положение внутри семьи и измениться самому – это наши задание и цель. Я писала, не зная, какой финал будет у этой истории, ощущая себя на передовой линии в смертельном бою, когда не знаешь, кто останется в живых и выйдешь ли ты победителем.

Узнав, что я пишу книгу нашей истории болезни, дочь

не дала добро. Она боялась непонимания, осуждения, и я на годы отложила завершение книги. Пополнялись только дневники.

Начало

Даже ведя дневник, трудно точно определить, когда это началось. Что такое наркотики? Какова последовательность развития болезни? Какие признаки ее в человеке, живущем рядом с тобой? Я ничего не знала, да и знать не хотела, потому что считала, что наркомания – это что-то страшное, не имеющее ко мне никакого отношения. Наркоманы – это люди, живущие на самом дне общества, но никак не в соседней комнате твоей квартиры. Это может быть кто угодно, но только не твоя дочь, которую ты любишь, положила много лет и сил, чтобы вырастить ее здоровой, дать образование, выстроить перспективу. Она умная, красивая девочка, у нее есть все для хорошего старта. Она, как и я, верующая, наконец. Какие могут быть наркотики?! Я была слепой. «Это меня касаться не может!» – так думает большинство из нас. А по статистике России и Украины около половины молодых людей пробуют наркотики еще в школе, и девяносто пять процентов начинают в это время пробовать алкоголь, который медицина тоже относит к разряду веществ, вызывающих химическую зависимость.

Литературы, которая разъясняла что-то молодым и их родителям, в то время было немного. Если мелькало, это было из серии «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Но самое главное – это нежелание даже думать на эту

тому, пока тебя это не коснется лично. Происходит это обычно через несколько лет после начала, когда болезнь уже пускает глубокие корни.

Моя история, увы, типичная. Дочь попробовала наркотики лет в четырнадцать. Что помню я о том периоде? Конец девяностых – начало двухтысячных – очень трудное время для меня. Сын от первого брака на семь лет старше дочери, его отец умер. Дочь – от второго брака, ее отец не утруждал себя ни материальной помощью, ни помощью в воспитании. Именно в то время сын, уже имеющий высшее образование, отслуживший в армии, положительный во всех отношениях парень... сидел в тюрьме. Так тоже бывает, не буду рассказывать его историю. Она не связана с наркотиками, просто мальчишеская глупость. То были два с половиной страшных года.

Как живет в это время мать? Что она чувствует? Как она себя мобилизует, чтобы помочь ребенку выдержать испытание, не сломаться психически, не озлобиться, не заболеть туберкулезом, например, который свирепствует в тюрьмах? Помощи ни от кого, заработки – минимальные. С колен не вставала в храме и дома под иконами: ревела и молилась. Помолишься, поплачешь, потом тачку в руки – и зарабатывать. Заработалась – опять тачку нагружаешь – и в тюрьму с передачей. Чтобы на себя что-то потратить – ни-ни, только самые дешевые продукты, только самые дешевые тряпочки из «секонд-хэнда», так же и дочери: мы на воле, как-ни-

будь обойдемся. У нас был маленький праздник по вечерам у телевизора: я покупала вафельку за пятьдесят копеек, и мы пили чай. Очень вкусно!

А как жилось в это время моей дочери? Она плохо питалась, когда организм растет и развивается. Она плохо одевалась, когда хочется нравиться мальчикам... Мама все время заплаканная, раздраженная, в тягостном настроении. Я говорила: «Подожди, это временно, брату сейчас хуже, чем нам». А в масштабах ее жизни это «временно» было лишь продолжением предыдущих девяностых, когда почти все мы жили в нищете. С трудом вписываясь в новый уклад, я мало что могла одна, с двумя подрастающими детьми, которых надо было кормить, обувать, одевать, учить. Огромные долги по квартплате, по неудавшемуся бизнесу, хроническая депрессия, потому что не можешь свести концы с концами, раздражительность и нервные срывы... Моталась в поисках заработка по городу, уезжала в Москву, оставляя детей на три-четыре месяца с престарелой бабушкой.

Дети иначе воспринимают наши проблемы. Материальные трудности, которые мы переносим болезненно, они видят под углом: если я сыт и меня любит мама, то все нормально. Наша издерганность, наша неспособность управлять своими отрицательными эмоциями постепенно накладываются и на них отпечаток. Я смотрю на фотографии, когда моей дочери было двенадцать лет. Здесь она еще ребенок – веселый, открытый, улыбчивый. А дальше все чаще появляет-

ся хмурый взгляд, кривая усмешка на лице. Могу ли я себя в этом винить? И да, и нет. Есть причины, от меня не зависящие, но много зависело и от меня. Теперь я это понимаю, но прошлого не вернуть, посеянное приходится пожинать.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

«В конце XX века во многих странах наркомания была признана социальным бедствием. В Международном антинаркотическом центре в Нью-Йорке существует документ, который указывает, что количество лиц, употребляющих наркотики, на всем земном шаре составляет около 1 млрд. человек. Однако эта цифра приблизительна, так как точно учесть число наркоманов на текущий момент невозможно.

Количество наркоманов в России составляло около 3 млн. человек. Но истинное число наркоманов, как считали специалисты, в несколько раз превышало число зарегистрированных больных. Учитывая возрастную категорию большинства наркоманов – от 13 до 25 лет, можно сказать, что под угрозой этой болезни оказалась фактически треть нового поколения страны. Особое беспокойство вызывало, что увеличилось число женщин и девушек, употребляющих наркотики. Скорость и масштабы распространения наркотических веществ на территории Российской Федерации и других стран мира позволяли говорить о том, что распространяется настоящая пандемия наркомании – поваль-

ная эпидемия, охватывающая население ряда стран. «Если не произойдет чуда, то окажется, что в XXI веке наркоманы – это наши будущие ученики, наша будущая паства. ... И если ситуация с употреблением наркотиков не изменится в лучшую сторону, то через полтора десятка лет люди, пристрастившиеся к наркотикам, заполнят правительство, парламент, воинские части, медицинские учреждения, университеты и школы...» (Из книги игумена Евмения «Луч надежды в наркотическом мире», который работает с наркоманами уже не один год).

Большинство стран бывшего Советского Союза, находится в числе мировых лидеров по росту числа наркоманов и ВИЧ-инфицированных. Статистика взятых на учет наркоманов отражает лишь вершину «айсберга». Каждый наркоман вовлекает в среднем за год 7—10 человек, поэтому наркомания увеличивается на 8% в год – тенденция одна из самых высоких в мире. 70% наркоманов – это молодые люди до 25 лет. Более 60% составляют подростки, а 13% – и вовсе дети 12-ти и менее лет. Женская наркомания, в процентном соотношении, самая высокая в Европе.

Просмотрела

Вокруг дочери всегда было много ребят и мало девчонок. Это удивляло, но не беспокоило: симпатичная, улыбчивая, она нравилась многим из них. На ее шестнадцатилетие наша большая кухня едва вместила около сорока ребят. Пили мало, но были веселые. Мне ничего дурного в голову не приходило.

У дочери уже был парень, на семь лет старше, бывший одноклассник брата, почему-то вертевшийся в их подростковой компании, очень худой и бледный, заторможенный, молча приходил, молча уходил. Позже я узнала, что он и несколько его приближенных потребляли таблетки, курили «травку», делились с малолетками. Они были особенные, вели какие-то, как казалось моей дочери, умные беседы. «Я гуляла вместе с ними по улицам и восхищалась: какие они раскомплексованные, свободные! Я завидовала им, мне тоже хотелось быть такой, я уговаривала их дать мне попробовать и, наконец, уговорила. Сначала от таблеток было очень плохо: тошнило, рвало, болела голова, но потом привыкла».

Нельзя сказать, что я ничего не замечала. Именно в этот период дочь перестала быть привычно послушной девочкой. Мне не нравилась ее дружба с парнем старше ее, но домашние «разборки» могли заканчиваться тем, что она выпрыгивала из окна нашей квартиры на первом этаже в домашних

тапочках и убежала на несколько дней. Проблемы подросткового периода – у кого их не было? Я видела только непослушание, возможность ранних женских проблем для девочек... Наркотики – это в другой стране, на другой планете.

Скоро появился новый друг. Ей было 16, а ему 17, когда они начали жить открыто – современные Ромео и Джульетта, «монтекки» и «капулетти» при них, в том числе и я. Возмущение и негодование родителей с обеих сторон привели лишь к тому, что, зайдя как-то утром в спальню дочери, я увидела две пары испуганных глаз, глядящих на меня из-под одеяла.

То, что для нас в этом возрасте было стыдно и крайне редко, для современных молодых людей – норма. Аргументы родителей на темы нравственности выглядят нелепым комариным писком на фоне пропаганды секса в средствах массовой информации. Мои попытки увещевания превращались в скандалы и вели к разрушению отношений, и я смирилась: если сейчас такое время, пускай тогда живут рядом со мной.

Сергей (назовем его так) действительно ее любил, после школы пошел работать и учиться заочно. Дочь окончила школу, поступила в институт. Они были вместе, им было хорошо. С Сергеем мы подружились, хороший, умный мальчишка, энергичный холерик, искренний, одинокий при живых родителях: отец с матерью давно в разводе. Мать уехала на заработки в Италию, оставив сына с отчимом – крутым йогом, которому пасынок был только помехой для пребыва-

ния в nirване. Новая жена отца категорически не принимала пасынка. Сергей прибился к нашей семье, как щенок, который был выброшен хозяином за порог, потому что доставлял много хлопот. Его зарплаты хватало на несколько дней, чтобы потешить любимую девушку, а потом оба сидели на моем иждивении. Это было главное, что вызывало мое раздражение. Я не замечала теневой стороны их жизни: ссоры, ну, какие-то выяснения отношений... Все как у всех, особенно молодых и неопытных.

Моя жизнь потихоньку налаживалась: смягчалась материальная ситуация, сын вернулся и начал работать, у меня появился в доме мужчина. А что происходило с моей дочерью? Были ли в их жизни наркотики? Теперь понимаю, что были: от случая к случаю, то «травки» покурить в компании, то пивко с «Трамадолом» – дешевле и приятнее, чем водка. Уже мелькали фразы: «Марихуана – это не наркотик, а удовольствие», «Трамадол» – это лекарство. Не водку же нам пить, чтобы снять напряжение?!» У меня было много вопросов: почему моя дочь не хочет семьи и ребенка? Почему ничего не говорит о своих планах на будущее, живет бесцельно? Почему бежит из дома куда-то к друзьям каждый вечер? Почему возвращается ближе к полуночи, когда я уже сплю? Почему до полудня никак не может проснуться и встает разбитой? Почему так безответственно относится к учебе? Почему она, девушка, так неряшлива, в ее комнате постоянный бардак? У нее даже появилась домашняя кличка – «Разру-

ха»: обувь горит, одежда рвется и не чинится, мебель ломается, техника быстро выходит из строя... Отношение к любимому человеку такое, что никакая любовь, особенно первая, нежная, неопытная, долго не выдержит. Сергей мог прийти с работы пораньше по ее просьбе, а она появиться после полуночи, ничего не объясняя или явно обманывая. Он весь вечер обрывал телефон, нервничал, в поисках ее, но ничего не говорил мне. Круг друзей сменился: появились какие-то типы, не смотрящие прямо в глаза и вызывающие чувство смутной тревоги. Появилась подруга, с которой они подолгу где-то болтались вместе, и почему-то при этом очень сердился и волновался Сергей. «Ты ничего не понимаешь в жизни молодых», – таковы были ответы на мои попытки разобраться в ситуации.

Я никак не могла связать то, что происходило, с наркотиками. Лень – да, отсутствие цели – да, никаких интересов, кроме развлечений – да, неряшливость, разболтанность – да. Это констатировалось как факт, это вызывало мое недовольство и раздражение, это было поводом для скандалов. Мы могли очень резко поговорить, даже поссориться, но мы любили и прощали друг друга. Она – даже быстрее и искреннее, чем я. Она не чуралась круга моих друзей, насколько это было возможно. Я показывала, что есть люди, которые живут творчески, интересно, старалась привить и углубить этот интерес, и не жалею об этом, как ни странно это звучит сегодня. Она ходила время от времени вместе со мной в церковь

на причастие и исповедь, но все реже и реже, объясняя это тем, что ей некогда или «нужно лучше подготовиться». Это не радовало, но это типично для молодых. Теперь понимаю, что я многого не знала из уже взрослой жизни дочери. Вскоре Сергею мать купила дачный домик на границе с городом, и молодые стали жить отдельно.

Первый августовский крик

Я закричала от ужаса первый раз жарким августовским днем, когда поехали отдохнуть на несколько дней на море, а меня попросили присмотреть за плохо закрывающимся домом-дачей, уже набитым дорогушей техникой. Как и все мамы, я решила прибраться в доме, недостроенном и неухоженном, да еще и с такой хозяйкой, как Маша. Веник и тряпку в руки и... то в одном углу, то в другом я находила скомканные газеты и фольгу с остатками конопли, и не только с остатками. Находила пустые пачки из-под «Трамадола»... Десять, двадцать, пятьдесят... Уже не считала, сгребла все в кучу во дворе, подожгла вместе с мусором... И завывала в голос от страха и внезапной ясности – это потребление не от случая к случаю и не по чуть-чуть, это уже наркомания.

Уехала в монастырь на несколько дней, выстаивала до потери сил долгие монастырские службы, чтобы упасть замертво в ночь, а утром опять молиться и плакать. Готовилась к исповеди, но кричавшим от боли сознанием так и не могла сформулировать, в чем каяться. Подошла к аналою и выдохнула: «У меня дочь – наркоманка! Я не знаю, что мне делать!» Мудрые слова батюшки запомнила на всю жизнь, они перевернули мне душу: «А теперь люби ее так, как никогда раньше не любила!»

Это был страшный вопрос себе: а я люблю свою дочь?

Во мне кричали обида и страх. Несколько последних лет общения с дочерью – это постоянные скандалы, претензии, обвинения, нарастающее отчуждение и непонимание. А до этого? Старалась, как и все одинокие матери, обути, одеть, накормить, дать образование, и это давалось нелегко. Но только ли это нужно было моему ребенку?

Я занималась ее воспитанием? В нищете беспросветной, к которой мы оказались неготовыми, в девяностые, когда приходилось думать о хлебе насущном в самом прямом смысле, что-то было урывками. Признаюсь, что большая часть воспитания состояла в том, что я, усталая и задерганная, занудно что-то внушала, требовала, наказывала... Разговоры в резких тонах и выражениях с моей стороны и бунт – с ее стороны, особенно в подростковом возрасте. Сейчас я с ужасом наблюдаю подобные отношения в других семьях, которые, увы, нередки. Да, я казнила себя потом, каялась в церкви и перед дочерью. Мы плакали вместе, и она меня прощала, не обвиняя, ничего не требуя. Да кто из нас любил по-настоящему? Это было страшное признание себе! Но как исправить ошибки прошлого, даже понимая, как горьки плоды тех ошибок?!

Без возможности облегчить душу через покаяние моя жизнь была бы просто невыносимой. И как же тяжело неверующему, когда он живет с чувством вины и без надежды освобождения от нее.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

В конце минувшего века в мировую, а затем и в отечественную медицинскую практику был введен новый обезболивающий препарат «Трамадол». Он пополнил собой длинный перечень опиоидных анальгетиков, который к тому времени включал морфин, героин, метадон и многие другие подобные соединения как природного, так и синтетического происхождения. Всем опиоидам присуща тесная взаимосвязь между обезболивающим эффектом и способностью вызывать наркотическую зависимость. Несмотря на упорные усилия фармакологов, отделить первый (несомненно полезный) эффект от второго (весьма нежелательного) до сих пор не удалось.

Не стал исключением из этого правила и «Трамадол». Специалистам с самого начала было ясно, что его бесконтрольное применение неизбежно повлечет за собой формирование болезненного пристрастия. Поэтому повсеместно «Трамадол» был отнесен к группе лекарственных средств, которые без рецепта врача пациентам не отпускаются. Этой меры оказалось достаточно для того, чтобы предотвратить распространение злоупотреблений «Трамадолом» практически во всех странах мира, кроме Украины и некоторых других государств СНГ.

Очень скоро в наркологических клиниках появились те, кто начал свой путь в наркотизацию именно с «Трамадола».

Их число быстро росло и составляло от трети до половины всех пациентов. Причина этой крайне неприятной ситуации состояла в том, что на территории Украины аптечные сети грубо и систематически нарушали рецептурный режим. К этому их поощряет естественное для бизнеса стремление к прибыли, с одной стороны, и неадекватно мягкое по отношению к таким нарушениям законодательство, с другой. Более десяти лет он был в свободной продаже в аптеках в Украине. Его производили как легально на фармацевтических заводах, так и нелегально. Объем «Трамадола» и его вариантов, поступавший в продажу, превышал примерно в ПЯТЬДЕСЯТ раз его потребность для больных, нуждающихся в обезболивающих. По официальным данным, ежедневно в Украине выпускалось около 236 тысяч «лишних» доз. Обычно с целью опьянения употребляется 5 – 10 терапевтических доз одновременно. Простые подсчеты показывают, что фарминдустрия ежедневно обеспечивала трамадоловым дурманом 23,6 – 47,2 тысячи потребителей.

Только под нажимом многочисленных акций общественных организаций, с большим трудом правительство Украины признало официально «Трамадол» наркотиком. Квоты производства были уменьшены, но никто не отслеживал, куда были направлены запасы производства. До сих пор он присутствует на наркоманском рынке, но цена его выросла в десятки раз.

Ребята вернулись с отдыха и были бурные объяснения, взаимные слезы и обещания, что такое больше не повторится... Мне очень хотелось им верить. Да и как можно не верить, если мы поняли друг друга? Ребята осознают, что шалости зашли слишком далеко, они приняли решение прекратить. Очень хотелось верить в то, что процессом можно управлять, что происходящее не настолько серьезно, чтобы делать из этого трагедию. Они хорошие умные ребята и не могут не понимать, что наркотики – это вредно и опасно для жизни и здоровья! Такой вот наивный самообман, как и у большинства родителей.

Позже я узнала, что Сергей сам приучал Марию к «Трамадолу», сам пытался регулировать потребление, сам старался «спрыгивать», когда доза «разгонялась», как выражаются наркоманы, становилась очень большой. Он был ведущим и делал все, чтобы они с Марией шли вместе. Иногда у них получалось «спрыгнуть». Но это иллюзия всех наркоманов, что они могут управлять процессом потребления, особенно когда дело касается двоих. Моя дочь его любила, доверяла, осознания опасности и чувства самоконтроля в ней явно было меньше, а обманывать человека, который тебя любит, легко.

Смотрю на их фотографию того периода – такие молодые, красивые, влюбленные обнимаются под вишней... Они хотели пожениться, обустроивали дом. Сергей неплохо зарабатывал. Мать слала ему деньги из Италии, отец откупал-

ся деньгами. Дочь продолжала учиться в институте. Все выглядело совсем неплохо. Отношения с Сергеем длились почти пять лет, но так и не стали тем, чем должны были стать. Влечение к наркотику сильнее любви, за редким исключением. Обычная история развития зависимости: сначала пробуют «легкие» наркотики, потом идет утяжеление, а потом как снежный ком – все больше доза и все крепче капкан. Страшно, но «Трамадол» продавался во всех аптеках города, и его можно было купить в любом количестве. Живя с Сергеем, дочь начала колоться опиатами. Это было уже серьезно, но я узнала об этом только через несколько лет. И моя слепота объясняется только одним – очень не хотелось верить, что наш случай типичный.

Сначала Маша пришла пожить на время холодов, дачный домик для них был плохо приспособлен. Дома продолжалась ее «странная» жизнь: едва проснувшись к полудню (она училась во вторую смену), шла в институт и возвращалась в полночь в непонятном состоянии. Пыталась работать, не получалось, но для студентки на стационаре это не обязательно в понимании большинства родителей, и моем тоже. Училась плохо, пару раз ее отчисляли из института, с большим трудом восстанавливалась, но дотянула до диплома.

При каждом удобном случае я пыталась с ней поговорить. Мало тогда зная о наркомании, я что-то ей объясняла, доказывала, иногда казалось, что жизнь налаживается. Теперь понимаю, что она пыталась бросить, но это было труднее,

чем начать снова. Большинство наркоманов время от времени пробуют бросить по каким-то им известным схемам, кое-кому это даже удается. Но болезнь очень коварная, и физическая тяга – это не самое главное в ней. Много ли надо молоденькой девчонке, с уже травмированной нервной системой, чтобы снова захотелось забыться и успокоиться?

Были периоды, когда мы пытались начать лечение. Как думает большинство? Надо идти в больницу! Мы тоже посетили нашу наркологическую клинику и психбольницу, где есть отделение наркологии. Дочь, казалось, бодро держалась, активно узнавала все про лечение, дала согласие, но потом говорила, как ее угнетала атмосфера этих заведений. Наше впечатление было схожим: все, начиная от запаха и нищеты и заканчивая отношением к больным, презрительным, унижающим, вызывало желание поскорее убежать и никогда сюда больше не возвращаться. Конечно, в этом не виноваты люди, которые там работают. Такое субсидирование, такое отношение к медицине в нашей стране, особенно к проблеме алкоголизма и наркомании... Когда привозят в белой горячке или в наркоманском передозе, тогда, конечно, спасают. Но прийти самому, если ты еще способен думать и чувствовать – это своими глазами увидеть, что надеяться не на что. Нашла в дневниках описание своего состояния после посещения этих «богоугодных» заведений: «Я воочию увидела, насколько не нужны я и моя девочка нашему государству. В таких заведениях, если находиться долго, то захочется са-

мой чего-нибудь выпить, чтобы только не видеть этих облез-
лых стен, не чувствовать спертого запаха, не видеть раздра-
женных лиц медперсонала».

Самообман

До меня с трудом доходило, что постоянное потребление таблеток и алкоголя, пусть и в небольших количествах, это болезнь, это химическая зависимость. Мария уже не скрывала, что ей нужны таблетки постоянно, и это вызывало во мне сильное раздражение, даже гнев. Это сегодня я понимаю, что моя реакция на ее признания была истеричной. Я ведь старалась быть любящей, терпеливой и мудрой матерью, но постоянно срывалась на крик, обвиняя ее... И было в чем! Лень стала патологической. Приходилось засохшую от грязи обувь мыть или заносить к ней в комнату, потому что она валялась посреди прихожей неделями. Грязная и сырая одежда могла зацвести в ванной. Она ходила неопрятная, в рваной одежде, если я не бралась за иголку. Никакой помощи по дому, что раньше было нормой. Работать она не могла, значит, я должна была давать ей какие-то деньги, учеба шла кое-как.

Мне так хотелось верить, и я верила, что она вот-вот закончит с этой «глупостью». Она говорила мне: «Мне бывает плохо. Чтобы мне стало лучше, я съедаю пару таблеток. Ничего страшного в этом нет». И я верила, что это время от времени, что сразу не получается, что завтра все будет иначе, мы ведь так хорошо поговорили. Но это продолжалось и продолжалось... Я еще и еще пыталась ее убедить, доказать, объяснить, но на нервах, на моей истерике и ее исчез-

новениях на несколько дней.

Как-то, очищая комнату дочери от мусора, я нашла двойной тетрадный листок в клеточку, исписанный ее планами. Одиннадцать пунктов, в каждом пять-шесть подпунктов: «Не покупать... , не колоться, не общаться со всеми, кто это делает; делать зарядку; наладить отношения с преподавателями и с родными; помогать маме и бабушке во всем, даже не спрашивая; пойти работать; научиться шить...» и т. д. Навивно, немного смешно, но она, оказывается, прислушивалась к тому, что я ей говорила. Она хотела, строила планы начать жить по-другому, ей не удавалось. Дочь менялась и внешне и внутренне: стала агрессивной, раздражительной. Она вымогала деньги под любым предлогом. Я никогда ее не баловала, возможности такой не было, но о способности наркоманов манипулировать родными, можно было бы много рассказать.

День и ночь я находилась в состоянии сжатой пружины и думала только о том, как ей помочь, старалась найти причину случившегося, но, как слепая, тыкалась то в одну, то в другую глухую стену, уговоры не помогали, помощи просить не знала где, страх и ужас нарастали внутри.

Мне приснился сон: мы идем с Марией по дороге, обе несем рюкзаки. Я несу свой, полупустой, а в ее рюкзаке – и ее груз, и мой. Мы опаздываем на поезд, потому что не знаем точно, на каком он пути. Я ловлю машину, ибо знаю, что если напрячься, если не пожалеть сил и денег, то можно успеть...

Просыпаюсь и молюсь со слезами: «Господи, помоги!»»

Новый «друг»

Вспоминаю, как мы сидели после очередного похода в психбольницу жарким летним днем за столиком в кафе и пили холодный сок. Дочь рассказывала, что они окончательно расстались с Сергеем, у него уже новая девушка, которую она хорошо знает, видно было, что ей больно. С Сергеем были связаны пять лет ее небольшой жизни, и, казалось, что так будет всегда. Мария открыто говорила, что ей надо чем-то успокоиться, снять депрессию, что у нее есть друг, который никогда ей не отказывает, всегда готов прийти на помощь.

Через некоторое время этот «друг» появился в нашем доме с цветами, тортом, вином и закусками. Он улыбался, шутил, а у меня от первого взгляда на него внутри все похолодело. Я видела перед собой что-то веселящееся, передвигающееся по кухне странной дерганой походкой, с бутылкой пива, словно приросшей к руке, но именно что-то. Если меня попросить сейчас описать этого человека, то я не смогу этого сделать, хотя видела его не раз: как будто нарисованный карандашом портрет, не до конца стертый резинкой – оболочка человека есть, а самого человека нет. Дочь попыталась со мной поговорить о том, что они решили жить у нас. Но, увидев мою реакцию и резкое: «Нет, этот человек не будет жить с нами под одной крышей!», – ушла вместе с ним.

У него было все, что было нужно ей тогда: «лекарство» в любом количестве, деньги – не надо было работать, и он, по ее признанию, хорошо к ней относился.

Она жила со своим «другом», появлялась дома лишь изредка, могла не отвечать на телефонные звонки по несколько дней. Этого «друга» знали ее настоящие друзья, в том числе и Сергей. Это был торговец наркотиками одного из нижних слоев в многоуровневом «маркетинге» распространения. Они знали больше, чем мне говорили, сами предложили помощь – вырвать ее из его общества. Но, увидевшись с ней, сказали, что не будут этого делать. Я до сих пор не знаю, почему.

Ранним утром, в День Успения Богородицы, вижу на небе огромный крест из облаков, словно кто-то специально две ровные полосы соединил. Хочу показать крест подошедшему знакомому собачнику, но креста уже нет. Это мне показали крест. Это мой крест!

Днем позвонила дочь, явно под «кайфом». На мой вопрос, не оправдываясь, грубо ответила: «Классная марихуана попалась, – и вставила с издевочкой, – хорошо, что только марихуана!» Как это принять и жить дальше?

Страх

Потянулись недели и месяцы страха и беспомощности что-либо изменить. Душевная боль нарастала до размеров, которых я и в страшном сне представить себе не могла. Только молитва давала на время облегчение. Бесконечный непрекращающийся страх, накрывающий мою жизнь слой за слоем, как закапывание живьем в могилу. Этот страх не поддавался контролю и управлению. Меня поймет любая мать: страх потерять ребенка затмевает все. Он очень глубоко, в самой сути женского начала. Этот страх то парализует, лишает воли, то заставляет делать безумные поступки. Этот длительный страх разрушал меня, как длительная вибрация здание. Вера и молитва при таком страхе нужны как воздух, без них просто не выживешь, но и молитва то криком кричится, то вязнет во льду страха. Твердила себе постоянно: там, где страх, там нет Бога! И тогда проблесками рождалось в душе то, что названо в Евангелии как «надежда сверх надежды». Ничего не понимаешь, не знаешь, что делать и на что надеяться, и все равно надеешься... Тяжело вспоминать этот период, но теперь я знаю, что мои страхи – это типичные страхи матерей в подобной ситуации.

Страх смерти – самый главный, имеющий все основания быть. Наркоман может умереть каждый день, и ты каждый день этого боишься, и каждую ночь.

Страх и боль за свою жизнь: сколько лет самоограничения, труда – и все напрасно?! Зачем жить дальше, если впереди – беспросветная тьма и боль?

Страх за дочь, которая не понимает, что загубила юность и убивает молодые годы, уничтожает свое здоровье, саму возможность будущего.

Страх незнания, что делать, как ее спасти, убедить, что она выбрала путь смерти.

Страх и стыд перед родными, друзьями, знакомыми, ведь я считала себя вполне приличным человеком, пользовалась авторитетом и уважением.

Страх и отчаяние от понимания, что помощи ждать неоткуда: болезнь есть, а лечиться негде.

Страх, страх, страх... Дочь неизвестно где и неизвестно с кем. А если она со своим другом, то от этого еще страшнее. Где и как она вгоняет в себя яд, и когда доза будет опасной для жизни? Как ее найти при этом и спасти, если она не отвечает на телефонные звонки по несколько суток? Страх становился все тяжелее и глубже, обесточивал, парализовал, вгоняя меня в воронку тяжелой депрессии. От меня отшатнулись почти все знакомые и друзья. Я никого не виню и хорошо понимаю, что у сочувствия и сопереживания есть какой-то лимит. Да, ты почти тонешь в своей беде, в своем отчаянии, но это длится, длится... месяцы, годы. Как любому человеку, мне хотелось поддержки, помощи, и я ее получала какое-то время, но все реже и реже, вплоть до откры-

тых отказов. На фоне боли за ребенка эта боль от черствости ощутима, но не так значима... Это состояние хорошо знакомо всем матерям, у кого дети попадают в зависимость.

Поиски выхода

Страх сковывал, но рук я не опускала: искала книги, вытаскивала информацию из Интернета, и она, мягко говоря, не радовала. Официальная медицина называет наркоманию «неизлечимой прогрессирующей болезнью». Мое внимание сконцентрировалось на слове «неизлечимая», и это усиливало мои страхи. Почему-то внимание не закреплялось на том, что болезнь прогрессирует, развивается, если не прекращать потребление любых видов наркотиков и в любом количестве. Что если прекратить потребление, сделать это обязательным условием, то болезнь не развивается, организм входит в полосу ремиссии, включаются резервные силы самоисцеления.

Это часто сравнивают с такой тяжелой болезнью, как сахарный диабет. Мне это сравнение близко и понятно, потому что моя младшая сестра болела тяжелой формой сахарного диабета и рано умерла. При этом заболевании человек знает, что его поджелудочная железа не вырабатывает достаточно количества инсулина. Ему надо соблюдать строгую диету, пить или колоть лекарство каждый день. Соблюдая эти правила, человек живет долго и практически полноценно. Если человек игнорирует эти правила, он быстро разрушается и гибнет. С диабетом даже сложнее: постоянная привязка к веществу, которое не вырабатывает твой организм, бывают сбои, и организм страдает. Наркоману достаточно просто

не потреблять наркотик, и он будет жить.

То, что официальная медицина признает свое бессилие в лечении наркомании, вызывало страх на грани отчаяния. Разные источники называли от одного до десяти процентов возможности излечения от наркомании. От десяти до тридцати процентов считаются неизлечимыми, и им предлагается только заместительная терапия. (Это замена запрещенного наркотика наркотиком, выдаваемым официально в лечебных заведениях.)

Картина невеселая, но стало понятнее, как необходимо выздоравливать. Те нищие наркологические больницы, как, например, в нашем городе, в лучшем случае выводят наркомана и алкоголика из состояний, близких к летальным, снимают абстинентный синдром. Это у нас делают хорошо. Но дальше требуется работа психиатра, так как наркотики бьют по центральной нервной системе. Это более длительный период, и это у нас могут делать. Но кто и где это делает, и кто за это будет платить? Дальше должен быть очень длительный период психотерапии и психологии – работы уже не с телом, а с душой и сознанием. На это могут уходить месяцы и годы. Дальше кто-то должен заниматься ресоциализацией (лучше, если это делают люди со знаниями психологии), т. е. введением человека в жизнь. Излечивающемуся наркоману приходится учиться жить заново, делать первые шаги и последующие. Кто может помочь? Как это делать в наших условиях?

Можем ли мы попасть в несчастные проценты исцеления? Возникало сильное сомнение. На Украине, в Крыму, где мы жили, не было ни одной (!) специализированной государственной клиники, которая занимается полноценным лечением наркомании. Частные клиники дорогостоящие и не по карману человеку со средним и малым достатком при длительном, многомесячном лечении. Да и как выбрать ту, где будут лечить, а не просто наживаться на твоём горе?

Мы к вам в гости, дайте денег!

Как-то раз, уже ближе к полуночи, мне позвонили. Незнакомый мужской голос сказал, что мою дочь взяли с поличным, она находится в машине рядом с подъездом, попросили выйти. Я не разбираюсь в иномарках, но это были точно не старенькие «Жигули», а новая шикарная машина, в ней двое крепких, хорошо одетых молодых мужчин и дрожащая, ревущая Маша. Они попросили меня сесть в машину и объяснили ситуацию: либо моя дочь сейчас собирает вещи, документы и ее отвезут в КПЗ (оснований для возбуждения дела достаточно), либо мы договариваемся: я даю им полторы тысячи долларов, и дочь остается дома.

Внутри ничего не дрогнуло. Спокойствие было удивительным даже для меня самой, словно я ждала такого поворота. Мария знала, что у меня есть деньги. Но тогда я очень твердо сказала двум представителям славной полиции:

– Денег нет, звонить людям среди ночи, чтобы занять, я не буду, да и вряд ли такие деньги лежат просто под подушкой, а банки открываются только утром.

Потом повернулась к Марии и сказала:

– Пойдем, я помогу собрать тебе вещи.

Она рыдала, уговаривала меня заплатить. Сама отвела ее к машине и вернулась домой. Как я провела эту ночь, думая о том, в какой «обезьянник» кинули мою девочку, рассказы-

вать не буду. Дождавшись утра, позвонила матери «друга», узнать, куда их забрали. Она вялым голосом, явно не в курсе, ответила:

– Они еще спят.

– ?!!

Я пошла к знакомому юристу, и он популярно мне объяснил, как полиция в Крыму «борется» с наркоманией. То, что было со мной ночью – это часто встречающаяся практика у оперативников: вымогательство денег у неопытных родителей начинающих наркоманов. Стоит испугаться и начать платить, и вы становитесь кормушкой для таких «борцов». Существуют определенные методика и такса, известные всем «борцам». В моем случае такса была сильно завышена, что возмутило тех, кто меня консультировал. Следует добавить, что впоследствии эти два бравых молодца из полиции вылетели.

Таково было положение дел в Украине. Очень рекомендую почитать, но только если нервы крепкие, о состоянии в России.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Иеромонах Анатолий (Берестов), «Луч надежды в темном царстве»: «О милицейском беспределе у нас в Центре можно слушать часами, и это не ложь. Почти каждый наркоман прошел через этот беспредел. ... Несомненно, что

идет сращение милицейского, воровского и наркомафиозного мира».

«Младшему милицейскому составу не выгодно сдавать всех, так как они кормятся за счет наркоманов... Опера, с одной стороны, доят барыг, беря деньги за «точку» (т.е. за крышу), с другой стороны отстегивают часть денег своему начальству и передают о барыгах информацию. Районное начальство, беря барыг и привлекая их к ответственности, стремится выйти на оптовика, чтобы доложить своему начальству. Но барыг берут в основном только тех, которых сдает им сам преступный мир, проитрафившихся или не угодивших чем-то ворами и авторитетам.

Оптовики имеют покровительство либо через авторитетов из воровского мира, либо от милиции в лице чинов обычно районного масштаба. Но чаще – и со стороны авторитетов, и со стороны милиции.

Купец, как крупный наркомафиозный деятель, охраняется ворами и находится в тесном контакте с крупными коррумпированными чинами МВД – ОБНОН, ОМОН, РУБОП на уровне города через воров...».

«Вот почему невозможна реальная борьба с наркотиками, ибо в них заинтересованы все – и наркодельцы, и преступный мир, и органы МВД. Все получают огромные прибыли, а чтобы видна была деятельность МВД по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, хватают потребителей и ходоков, то есть больных, которых надо лечить...».

Первое предупреждение

Дело выглядело так: двое наркоманов пошли в гости к другим наркоманам. В сумочке дочери было то, что нужно «для друзей», их приняла милиция. Мария все взяла на себя, потому что у ее парня был условный срок.

Долгие месяцы шло следствие, потом тянулся в несколько заседаний суд. Адвокат, нанятый отцом Марии, нагло и беззастенчиво требовал две тысячи долларов для себя и судьи, чтобы дело закрыть. Это была откровенная ложь. Я в то время дружила с ребятами из религиозного реабилитационного центра, они консультировали меня, поддерживали, написали ходотайство в суд, приезжали не раз домой и беседовали с дочерью. Она уже склонялась к тому, чтобы пойти на реабилитацию.

«Защитники» наших прав нередко пользуются растерянностью и неосведомленностью родителей и выкачивают немалые суммы. Я уже кое-что начала к тому времени понимать: законодательство Украины предусматривало для наркомана возможность освобождения от уголовной ответственности при его добровольном желании лечиться в больнице. У наркоманов даже есть такое выражение: «спрыгнуть на больничку».

Под нажимом обстоятельств – нужна была справка для суда, Маша согласилась лечь в больницу... Но, собирая ве-

щи, решила взять с собой десять пачек «Трамадола». Я это увидела и допустила ошибку: сорвалась на крики, упреки. Силой отобрала у нее пачки с «Трамадолом», и она ушла, хлопнув дверью, как оказалось, опять к своему «кормильцу» и «другу».

Теперь мне не стыдно и не страшно признаваться в этом срыве. Всякая мать, находящаяся в аналогичной ситуации, меня поймет – рядом с наркоманом, который постоянно тебя обманывает, когда сердце кровоточит, а разум отказывает, перестаешь управлять собой. В таком состоянии лучше было бы в смиренной рубашке полежать... Я говорю об этом только потому, чтобы те, кто проходит этот период, понимали, что так бывает почти со всеми. Рассказывают, что некоторые родители запирают детей, даже пристегивают наручниками к батарее, бьют – это от отчаяния, и это только ухудшает ситуацию.

Как ни странно, но даже формальная справка о лечении, которую легко было купить в больнице, помогла ей избежать уголовной ответственности. Но, выйдя из зала суда, она не только не захотела поехать в реабилитационный центр, где ее ждали, она, в самом прямом смысле слова, убежала от меня.

**ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ:
ИЗМЕНЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ПЕРИОД НАРКО-
ТИЗАЦИИ**

Зависимость от наркомании дает изменения в психике, характере и поведении. Психологи и наркологи говорят об определенной «наркотической личности».

Главные ее характеристики: отсутствие воли, лживость, неорганизованность, лень, аморальность, стремление к безответственной свободе и получению материальных благ на фоне праздного образа жизни. Снижаются умственные возможности, замедляется скорость мышления, нарушается память. Этим объясняется частая смена настроения и хаотичность поведения. Периодически возникает чувство враждебности, агрессивности, истеричность, уныние, апатия к жизни, вплоть до суицидальных мотивов и действий. Все это происходит на фоне постоянного токсичного отравления мозга.

Большинство страдает низким уровнем самооценки, и наркотик является компенсирующим средством. У других завышенная самооценка сочетается с неумением бороться с трудностями, противостоять сложным жизненным ситуациям. У половины из них развивается повышенная подверженность чуждому влиянию и низкая сопротивляемость этому влиянию.

Происходит социальная деградация: угасание интересов, не относящихся к наркотикам: люди перестают работать, учиться, беспринципно и безответственно ведут себя в семьях. Многие вступают на путь нарушения закона ради до-

бывания денег на наркотики.

Близким и тем, кто работает с наркоманами, надо знать, что на первом месте у наркомана стоят собственные интересы, связанные с добыванием наркотика или денег для него. Средством для достижения этой цели, как правило, является ложь, которая является неотъемлемой чертой личности наркомана. Обман надолго остается у них и в процессе реабилитации, нередко и в состоянии устойчивой ремиссии, хотя и имеет тенденцию к затуханию.

У тех, кто пошел на наркоманское «дно», развивается особая одержимость – одержимость смертью. Развивается полная апатия к жизни: здоровья нет, вылечиться невозможно, отношения с семьями и с обществом разрушены, ты никому не нужен, ты уже не жилец. Остается только докалываться.

Где моя дочь?

Прежде чем написать о том, как искали и находились пути выхода, мне хочется сказать еще об одном материнском страхе. Это страх, даже ужас, от того, как на глазах быстро деградирует твой ребенок.

Была милая, улыбчивая, обаятельная, добрая и неглупая девочка. Но все чаще и чаще ты начинаешь видеть в ней что-то тупое, мрачное, вызывающее только брезгливость и отвращение. Это что-то разрастается внутри, и все меньше и меньше остается твоего ребенка. Можно назвать это демоном, бесом, как угодно. Оно может лежать на самом дне, тихое, истощенное, почти незаметное. Оно может метаться в человеке, голодное и агрессивное, и прорываться вовне языками адского пламени лживости, агрессии. Бесполезно уговаривать, объяснять, запирать на замок, падать со слезами на колени, как это делала я. В это время человек собой не управляет. Этот внутренний зверь имеет огромную силу, и он находит способ прорваться к кормежке. Зверь может быть сытым и довольным, тогда он заполняет всего человека и смотрит на вас с наглой усмешкой, переступает через большую мать, поднимает на нее руку, выносит из дома все, что можно продать. Ты понимаешь, что имеешь дело с чем-то иным, не с человеком. Это не болезненная фантазия, это страшная реальность – происходит подмена личности. Твоей любимой

девочки нет, с ее особенностями, достоинствами и недостатками, а есть монстр с качествами, присущими всем, находящимся в наркотическом плену.

«Нет наркомана без обмана» – расхожая шутка, в которой содержится горькая правда. Ложь – это норма поведения наркомана. В первую очередь он лжет сам себе: «Попробую разок, потом не буду. Если несколько раз – это еще не система. Ну а если система – то я в любой момент могу бросить...». Пока сам не поймет, что завяз. Наркоману приходится лгать постоянно. Делают они это очень искусно, особенно для непосвященных. Не зря большинство родителей годами не догадываются, что их ребенок потребляет наркотики. Особого «мастерства» достигают они, вытягивая из близких деньги. Новые возможности дал бум кредитования без справок о доходах. Я, например, выплатила долги дочери трем банкам, когда выросшие в геометрической прогрессии суммы собирались требовать через суды с наложением ареста на имущество (ее долю квартиры).

Уже зная, что ложь становится нормой для наркомана, потому что каждый день нужно найти деньги для покупки дозы, обманулась я элементарно. Как-то утром Мария пришла с очередным «другом» и принесла... половину туши поросенка. Она очень убедительно говорила, что ее другу дали это мясо за работу, вместо денег. Если я дам смешную сумму (если сравнивать с рыночной ценой за такое количество свежего мяса), то для него будет достаточно. Если я не со-

глашусь, то она вынуждена будет пойти с этим мясом на рынок. За такие деньги мясники его сразу заберут. Я представила, как моя девочка идет с половиной туши в окровавленном мешке на базар, чтобы там торговаться с мясниками, и согласилась. Да и цена очень понравилась. Дочь с парнем ушли, а когда я склонилась над окровавленной тушей, вываленной в ванну, то бросило в жар от ясного понимания, меня обвели вокруг пальца, и я своими руками сейчас дала на дозу. Так виртуозно меня еще не обманывали. Пришлось эти полпоросенка раздавать друзьям и родным и съесть столько, чтобы запомнить навсегда.

Мария исчезла, только через десять дней я до нее дозволилась. Ей, оказывается, было стыдно за подложенную мне свинью. И это было хорошо, значит, совесть еще живая.

Дочь – воровка?

Ложь параллельно идет с воровством. Сначала «пропадают» личные вещи – то телефон мобильный «украли», то плеер «отобрали». Потом начинают пропадать ценные вещи и деньги из дома. Круг расширяется, и воровство может стать постоянным способом добывания денег на все увеличивающиеся дозы. Еще один способ, очень распространенный – это торговать наркотиками, доставляя дозы тому, кто побогаче, но чтобы и себе перепадало, или торговать телом, как делала студенческая подруга Маши.

У меня начали пропадать деньги. Подумать такое о сыне? Отношения всегда были нормальные, даже щепетильные с его стороны. Мне не хотелось думать такое и о Марии. Но прослеживалась четкая закономерность ее появлений дома и пропажи денег. Деньги пропадали странно: я откладывала сумму, необходимую в бизнесе для оплаты расходов, и из этой сумму исчезала какая-то неровная часть, словно кто-то впопыхах выхватил и убежал. Сначала я думала, что просчиталась, уронила, не доложила, забыла...

Дочь возмущенно отвергала разговоры на эту тему. Я прятала деньги по всем углам, перепрятывала, сама забывая, куда и сколько. Даже зная, что для наркоманов воровство – обычное дело, мне не хотелось верить, что моя дочь станет воровать у меня.

По законам детективного жанра я провела эксперимент, который убрал сомнения. Мы были в квартире вдвоем, моя комната рядом с ванной, где дочь что-то стирала. Я готовила на кухне в другом конце квартиры. В кармане сумки у меня лежала небольшая сумма. Что-то подсказало мне пойти и проверить, на месте ли деньги... Их не оказалось. Спокойно и настойчиво я потребовала у дочери вернуть деньги. Она плакала, обвиняла меня, что я ей не доверяю. Слез много, маска искренности и оскорбленности такая, что я даже начала сомневаться, но продолжала требовать возврата денег и убеждать, что если она вернет их, то отношения останутся нормальными. Она расплакалась и сказала, что у нее долги, требуют возврата с угрозами, и она их понемногу отдаст, но сроки жмут. Ей не хочется жить, потому что страшно, деньги брали и тратили вместе с «другом», но он «отмораживается».

Ситуация, как ни странно, радовала. Она была переломной: у меня открылись глаза, и, как показало дальнейшее, она не смогла больше воровать, получилось лучше для обоих.

Нужно достичь дна

Ложь, воровство, лень, безволие, агрессия – это все присутствовало и вызывало мою взрывную, негативную реакцию: этого не может быть! Так не должно быть! Моя Машенька совершенно другая! Но такое поведение типично для всех наркоманов, и это результат уже сильно травмированной химическими веществами психики. Большого труда стоило понимание, что моя дочь больна, и относиться к ней надо как к больной, и необходимо ее лечить. Более того, если наркомания – это болезнь души и духа, значит, по-христиански будет правильным разделить грех – характеристики душевной и духовной болезни, и грешника – слабого и немощного человека, нуждающегося в твоей помощи. Когда мне удалось хоть в какой-то степени отделить грех от личности дочери, уровень моих претензий к ней снизился намного, я стала чувствовать к ней сострадание, нежность и любовь, даже если она вела себя как прежде.

Но понять, что твой ребенок болен – это только первый шаг, даже полшага. Что мы делаем, когда болеют наши близкие? Бросаемся их спасать, лечить, ищем докторов, лекарства. И в случае наркомании родители кидаются спасать: ищут способы лечения. Когда находят, не очень понимая, насколько оно может быть эффективным, уговаривают всеми правдами и неправдами, требуют, заставляют лечь в больницу.

цу или пойти в реабилитационный центр, строжайше контролируют раз, второй, третий...

Уходят годы, а близкий и родной человек падает все ниже и ниже, лишая сил, лишая средств.

Очень трудно признать нам, родителям, что главное условие излечения от наркомании – это желание самого больного. А если такого желания нет и наши доводы для него не убедительны? И когда появится это желание, и появится ли? И не будет ли поздно? Мы-то понимаем, что каждый день потребления – это разрушение здоровья и быстрый путь к смерти. Но опыт тех, кто вышел из этого ада говорит, что наркомана может остановить тюрьма, угроза смерти, или, что гораздо реже, гибель близкого человека. Наркоман должен достичь своего дна, на котором он осознает, где он и что с ним, и от которого, оттолкнувшись, он начнет подъем.

«Наркоман должен достичь своего дна» – нас пугают эти слова, и мы изо всех сил стараемся не дать упасть на дно своему близкому. Бывают исключения: дно – это не обязательно тюрьма или наркоманский притон. Дно – это внутри, когда человек осознает, что дальше так жить не может. Мне известен случай, когда наркоману со стажем родители подарили новую иномарку. «Я в нее сел, – рассказывал он, – и понял, что даже это меня не радует, как радовало бы любого на моем месте. У меня есть все, но мне нужен только наркотик. Я – раб наркотика, а мне не хотелось быть рабом!» И это было

поворотным моментом в его жизни.

Вся литература по наркозависимости говорит, что нужно дождаться того момента, когда человек сам захочет лечиться. Но ждать приходится долго – месяцы, годы. Где взять столько терпения? И как жить с девизом: «Чем хуже, тем лучше»?

Меня спасла Дуся

Моя дочь физически, душевно и духовно больна. А я здорова? Наркоман разрушает свое здоровье и психику, а родственники, будучи равнодушны к его судьбе и втянуты во все перипетии, сопровождающие эту болезнь, становятся невротическими личностями.

Длительное нервное напряжение ударяет по всем системам и органам, как говорят в медицине, «психика переходит в соматику», и мы становимся просто больными. Наркоман убивает себя, а мы умираем рядом с ним. Я дошла до того, что у меня стали отказывать ноги, дошла до прединсультного состояния. Мне не хотелось жить, потому что моя дочь каждый день убивала себя наркотиками, и я ничего не могла с этим поделать. Читая литературу о наркомании, я уже не могла не видеть страшной перспективы развития болезни, и это сильно меня угнетало. Я молилась, но это была молитва отчаяния. Я не могла работать – для этого нужна ясная голова, а я лишь поддерживала по инерции налаженное дело. Спасибо моим компаньонам, они продолжали его, и было на что жить. Мне стыдно было выходить к людям в таком подавленном состоянии, и я часами могла сидеть у телевизора, чтобы только отвлечься от своего горя. Но оно доставало меня по ночам, даже молитва помогала слабо.

Простой совет «поберечь себя» для матери, у которой ре-

бенок гибнет, звучит кошунством. И все-таки... Опыт выхода из подобной ситуации говорит: «Начни с себя! Если хочешь, чтобы близкий выздоровел, начни выздоравливать сама!» К такому выводу пришла и я по простой причине: если умру или заболею очень сильно, моей дочери некому будет помочь, когда это потребует. Материнская любовь – вот что меня призывало взяться за себя, выработать стратегию и тактику боя за дочь.

Первое, что я сделала – это позволила себе то, чего не разрешала многие годы: купила себе собаку! Крошечная пекинесиха Дуся требовала ласки и заботы. Она выводила меня несколько раз в день гулять, несмотря на погоду, отрывая от тягостных дум и телевизора. Гуляя по аллеям в сумерках, я научилась кричать шепотом (оказывается, это можно!), выпуская хотя бы часть боли, распирающей сердце. Но боль от безысходности все еще была главным в моей жизни.

Меня спасла Дуся: она заболела и стала умирать. Ей было очень плохо, и я, завернув ее в теплый платок, носила к ветеринару делать капельницы три дня подряд. Дуся не умерла... И я решила, что мне надо делать выбор – умирать или жить. Тогда и родилось кредо моей новой жизни, которое можно назвать «Я выбираю жизнь»:

Я выбираю жизнь, ибо ее дал мне Бог. Он дал ее мне и моей дочери, и каждый из нас отвечает перед Ним за свой выбор.

Я выбираю жизнь, даже если она невыносима и кажется, что прекращение ее принесет облегчение.

Я выбираю жизнь, даже если весь опыт вчерашнего дня воспринимается как неисправимая ошибка и я не вижу цели и смысла дня завтрашнего.

Я выбираю жизнь, даже если самый близкий и дорогой мне человек выбрал смерть и я не могу повлиять на его выбор.

Я выбираю жизнь, даже если родные и друзья оставили меня и холод одиночества окутал мою душу.

Я выбираю жизнь, даже если мне кажется, что сам Господь оставил меня и не слышит моего крика о помощи, ибо верую, что у нас есть Защитник, который пришел нас спасти.

Я выбираю жизнь, значит, я выбираю путь выхода, даже если не вижу его сегодня.

Я выбираю жизнь в Боге и с Богом, а значит, я выбираю жизнь в ее полноте, гармонии и любви.

Я выбираю жизнь, и это единственно правильное решение.

Плотик в бурном море

Наступил день, когда ко мне подошла давняя знакомая и сказала: «У меня такая же беда, как и у тебя. Мы создаем группу взаимопомощи родственников наркоманов и алкоголиков при областном наркологическом диспансере, приходи, будем выживать вместе».

Нас было четверо, и первые месяцы мы встречались только затем, чтобы вырветься друг у друга на плече, каждая из матерей и жен со своим горем. Нам становилось легче уже от того, что можно было, не стыдясь и не скрывая своего отчаяния, не боясь, что тебя осудят, рассказать о том, в каком аду приходится жить каждый день. Мы понимали друг друга, как никто другой не мог бы нас понять. Мы еще не знали, что нам делать, но каждый чувствовал, что не одинок: рядом было, пусть такое же немощное, но плечо поддержки. Это помогало разорвать чертово колесо личной трагедии. Появилась литература, информация о болезни и путях излечения, книги передавались по кругу, обсуждались.

Не помню, кто первый принес информацию о программе «12 Шагов», которая помогает алкоголикам и наркоманам во многих странах мира, появился еще один лучик надежды.

Когда к нам в группу взаимопомощи приходят новенькие, сразу видно, как похожи наши истории, наши состояния и наши ошибки. Именно поэтому нужно делиться опы-

том, тогда, идущие следом, смогут быстрее находить выход из смертельного лабиринта. Ослепленные горем родители спасают свое чадо, а чадо сопротивляется и упорно идет на дно. Сознание родителей отказывается принимать, что наркоман должен достичь своего дна, чтобы самому захотеть отказаться от наркотика. Родители хотят удержать, спасти, не могут поверить, что начинать надо с себя.

Самое трудное для многих – это понять, что наркомания – это болезнь семейная. Желание напиться или уколоться у одного – это лишь внешнее проявление глубоких внутренних причин каждого, кто с ним связан. Как сказал один мудрый священник, «сознание подсознательно отказывается видеть и признавать собственную мерзость». Добавлю: сознание тех, кто считает себя здоровым. Мне пока не встретилось ни одной семьи, где бы все стремились понять болезнь и выздороветь. Приходится начинать кому-то одному, чаще всего это мать.

Сегодня опять четко обозначилось, что больна вся семья. Живу со старенькой мамой, спросила у нее утром, где нужная мне пластиковая коробочка. Что она услышала в моем тоне, если в ответ я получила: «Мне ничего вашего не надо! Я всем мешаю, скорей бы умереть!»? Во мне поднялась волна раздражения, и я легко представила отца на своем месте, не надо долго объяснять, как возникала его агрессивная реакция, почему он уходил из дома и возвращался пьяный, почему ссоры, обиды, слезы, скандалы и драки были постоян-

ны в нашем доме.

Мама – мое зеркало. У меня те же самые проблемы с детьми, мое раздражение и претензии часто рождались из каких-то мелочей и вырастали в бурные ссоры. Сын меня как-то спросил: «А другим с тобой так же тяжело, как и мне?» Меня этот вопрос резанул по сердцу. Уже ясно, что болезнь родилась из сложного клубка внутрисемейных проблем. Но как его распутать? Если наркоманов хоть как-то лечат, то родным приходится выгребать самим. Теоретически в нашей группе взаимопомощи при наркологии уже все знали, что надо излечиваться самим. Литература, которой мы обменивались, врачи и психологи, которых мы приглашали, подтверждали это. Не было опытного наставника. Каждый из нас выбирал из информации какие-то рекомендации и пытался их применить. Это было сродни печальной медицинской практике: «Это лекарство нам не помогло, давайте попробуем другое». Пробовали, иногда на какое-то время помогло... Но было бы значительно легче и эффективнее, если бы была профессиональная помощь.

Проба анализа

Понять, что ты больна не меньше дочери, – это значит проанализировать свою жизнь и выявить причины, корни случившегося. Но, анализируя, я находила много новых оснований для депрессии, потому что, даже признавая свои ошибки, ты не можешь их исправить и перечеркнуть в прошлом.

Дочь была желанной, но беременность протекала тяжело и физически, и психологически, особенно вторая половина. Брак с отцом Марии был изначально ошибкой. Отношения сложные, во вторую половину беременности он ушел в свою прежнюю семью. Его бывшая жена могла поднять меня среди ночи телефонным звонком, и я слышала в свой адрес и адрес еще не рожденного ребенка такие проклятия, которые не хочу не только повторять, но даже вспоминать. Я не держу обиды на эту женщину, я, честно, не боролась за мужчину. Моя жизненная ситуация была такой, что не до того было. Но, забывшая о Боге, я надеялась только на себя и думала, что проклятия – это только слова. Но силу проклятия ощутила в полной мере: мое состояние здоровья стало таким, что врачи требовали написать расписку, что не ручаются за благополучный исход родов. Тайно от всех я договаривалась с сестрой, чтобы, если со мной случится самое худшее, она взяла ребенка. Теперь понимаю, что длительная де-

прессия беременной мамы не могла не сказаться на психике ребенка, почему первый год жизни дочь не сходила с рук, постоянно плакала, требуя внимания и любви.

С отцом дочери мы сошлись и оформили отношения, когда Машеньке исполнилось четыре месяца. Я уже понимала, что не люблю этого человека, но была загнана в угол: без жилья, без помощи близких, с двумя детьми и издерганными нервами.

Девизом моей жизни в тот период было: «Сколько у женщины терпения, столько у нее счастья!» Терпеть приходилось много, но счастья это не добавляло. Это не могло не отразиться на детях. Не хочу вспоминать плохое, было много и хорошего в семейной жизни. Но вывод очень простой: двое взрослых людей зачинают ребенка, двое его растят, и оба несут ответственность, даже если расстаются. Отец Марии не отягощал себя материальными обязанностями и обязанностями по воспитанию ни когда мы жили вместе, ни, тем более, когда мы расстались. Было больно и обидно смотреть, как растет наша дочь, не имеющая при живом отце ни отцовской любви, ни отцовской поддержки. Я вынуждена была нести двойную нагрузку одинокой женщины, и это как раз те условия, в которых часто появляются проблемы с детьми. Оборачиваясь на свою жизнь в браке и после него, я делаю малоутешительный для себя вывод: нервозная, задерганная и безрадостная мать создает вокруг себя нервозную и безрадостную атмосферу. А дети хотят быть счастливыми, и они

будут уходить из такой атмосферы куда угодно, с кем угодно и при первой же возможности. Я не снимаю с себя вины, но и не вся она моя.

Анализирую дальше. В первом браке муж любил меня, были комфортные условия, со скидкой на время: я училась, работала, у меня была квартира, здоровый ребенок. Но сколько было с моей стороны претензий, истерик, возникающих, как я сегодня понимаю, из мелочей. Невротичка и психопатка – это было во мне, с этим я пришла и в первый брак, и во второй, где отношения были не столь нежными и заботливыми. Училась терпеть, но все равно проявляла эти черты, чувства разрывали меня изнутри.

Откуда моя повышенная нервозность? Я вышла из детства с истрепанной нервной системой. Я родилась и выросла в семье инвалида войны, пьющего, очень агрессивного. Вся моя взрослая жизнь – это длинные этапы самовосстановления после, как говорят психологи, «утраченного детства». В самом начале карьеры, работая в комсомольской газете, я как-то напросилась к ведущему психиатру Крыма на интервью. Не знаю, что понял про меня опытный психиатр, но я не смогла сделать материал, потому что поняла, насколько сильно больна, а как себя лечить, не знаю.

Интересно, что американцы считают обязательным работать не только с ближайшими родственниками наркоманов и алкоголиков, они создают психотерапевтические группы для взрослых детей и даже внуков наркоманов и алкоголи-

ков. Болезнь может передаваться по наследству, нездоровая атмосфера в семье формирует определенную психопатологию: и люди не могут быть абсолютно здоровыми ни биологически, ни психически, и в этом не их вина. Сегодня я внимательно всматриваюсь в тех, про кого знаю наверняка, что у них был хотя бы один пьющий родитель. Это может быть внешне вполне успешный человек, но сколько у него проблем внутри, и каким трудом ему дается общение с людьми, создание своей семьи, воспитание детей! Утешает грустный юмор психологов: «Мы все – инвалиды детства».

Я открыла целый пласт непознанного о себе и открываю дальше. Зачем? Когда я стала понимать, откуда мои проблемы, я стала больше понимать свою дочь. И еще: доставая корни своих психологических проблем, я почувствовала, как... начала прощать себя. Чувство своей ущербности, неполноценности, загнанные очень глубоко в подсознание, оказывается, не давали мне жить, радоваться, любить, мечтать, осуществлять планы всю мою жизнь.

Детство

Мне снится сон: вижу стакан воды, в котором плавают куски льда, понимаю, что это моя жизнь. Я могу растопить куски льда, хотя сделать это непросто. Могу их выбросить, но тогда стакан будет неполон. Такими кусками «льда» во мне болтаются мои детские страхи, связанные с агрессивным поведением пьяного отца. Я не могла без слез вспоминать свое детство и избегала этих воспоминаний. Впрочем, это было нетрудно: словно стена стояла между моей взрослой жизнью и детством, вспоминались только фрагменты. Но моя гневливость, неадекватная агрессивность – не оттуда ли корни? «Высокий уровень подсознательной агрессии связан с тяжелой родовой» – наука, подтвержденная личной практикой.

Меня поразило открытие: у меня нет детских фотографий, где бы я улыбалась. Если точнее, есть только одна, там мне один год. У нас есть понятие «дети войны». Государство им даже льготы выделяет, предполагая, что они пострадали в Великой Отечественной. Но среди моих знакомых есть и те, кто не страдал или не мог осознавать страдание, в силу малого возраста. Но я хорошо знаю по себе, что такое быть ребенком отца, прошедшего войну, безрукого инвалида, перенесшего тяжелейшую контузию. Те, кто знает «афганцев», могут представить, как психически травмированные войной родители травмируют и разрушают психику своих детей.

Мой отец, инвалид Великой Отечественной,пил всю жизнь и пил сильно. Это был его наркотик, заглушавший душевную боль, внутренние незаживающие раны, о которых я могу только догадываться. Когда он напивался, что-то отключалось в его контуженной голове, он потом не мог вспомнить, что творил, а творил он страшные вещи. Если мать не успевала убежать из дома и где-нибудь спрятаться, он ее жестоко избивал на наших глазах – моих и моей младшей сестры. У него не было правой руки, но были сильные ноги. Он часто бил мать ногами... Мы плакали и кричали с сестренкой, умоляя его не делать этого, выхватывали и прятали ножи и топоры, висли на его единственной руке, когда он замахивался на мать. Но чаще мать все-таки убегала с младшей, а я оставалась один на один с пьяным безумным отцом. Меня он почему-то не трогал, даже слушался. И я всю ночь его успокаивала, угождала, делала все, чтобы он не бежал за матерью... А утром надо было идти в школу.

Я была способной, и мне очень хотелось учиться хорошо, иногда это удавалось. Нагнать гуманитарные предметы было несложно, а точные, из-за пропущенных тем, хромали, и я стгорала от стыда, получая плохие отметки. Даже сейчас, через много лет, когда я пишу эти строки, мне больно.

Мы все в семье зависели от того, каким придет вечером отец – пьяным или трезвым, напряженно вслушивались, как хлопнет калитка, вздрагивая и по стуку определяя, какой он сейчас войдет. Работал он через два дня на третий, с та-

кой же регулярностью напивался. Кроме этого было множество праздников, дней рождений. Я до сих пор не умею радоваться в праздники и дни рождений. Лучший способ провести Новый год, например, это провести его спокойно, в одиночестве.

В шестнадцать лет я хотела убить своего отца, думая: «Дам ему по голове тем топором, с которым он все время за матерью бегаёт. Пусть меня посадят, но мать с сестренкой будут жить спокойно!» Бог не допустил! Но после этого во мне что-то надломилось. Наверное, у психиатров и психологов есть название и объяснение этому состоянию. Я перестала надрывно переживать и болеть за своих родителей. Отца я ненавидела, а мать презирала за то, что она терпела и жила с человеком, превратившим в ад ее жизнь и нашу с сестрой. Не знаю, как такую жизнь выдерживала моя мать, и до сих пор не понимаю, зачем. Примерно через год, как я уехала, у моей младшей сестренки обнаружили сахарный диабет в тяжелой форме, в тридцать один она умерла. Такова была ее плата за наш детский кошмар.

Кому-то в юности хотелось энергичной и радостной жизни, а мне хотелось, чтобы меня оставили в покое, хотелось поспать подольше и избавиться от хронической нервной усталости. Сил не хватило даже на первую любовь. В ад моей жизни не вписывалось романтическое чувство, потому что оно было связано с дополнительными переживаниями. Теперь понимаю, что такая модель – «мужчина = боль» – за-

ложились на всю жизнь и почему я сегодня одинока.

Мне хотелось уйти из дома: бросить школу, работать, жить самостоятельно, забрать сестренку. Из школы меня не отпустили, и я ушла в горы – в туристическую секцию: походы, настоящая спортивная дружба и удивительная красота нашего полуострова спасли мою психику от окончательного разрушения.

По-настоящему приходить в себя я начала, когда после школы уехала в другой город, но слом внутри остался. Я была дочерью алкоголика, и это надорвало мою нервную систему, а значит, поведение в жизни было изначально больным. Это сказывалось на работе, на учебе в вузе, на личных отношениях. Это всю мою жизнь во мне, в моей психике, в реакциях. Хорошо американцам – у них сходить к психотерапевту, как у нас к зубному. Мы же, пока разберемся со своими сломками, уже и исправлять некогда.

Отец

Чувство вины за все, что произошло с дочерью, сильно угнетало. Придавливали расхожие стереотипы: «плохо воспитала», «не уделяла внимания», «плохая мать». Это первое, что я услышала в свой адрес от отца дочери. Так думают многие. Надо было понять, что во мне не так, что послужило питательной средой болезни? Будучи честна перед собой, я понимала, что моя вина есть. Но виновата ли я в том, что по моей психике был нанесен удар еще в детстве, и что это отразилось на моей семейной жизни и на моих детях? Я тоже больна, мне бы тоже где-нибудь полечиться. Моя болезнь называется созависимость, да еще и с глубокими корнями. Мой отец был сыном пьющего и жестокого отца, бросившего жену с пятью детьми. Отец моей матери умер тоже от этого зелья, и рассказывают, не раз его, пьяного и буйного, связывать приходилось. Про прадедов не знаю наверняка, но кто в России (мои корни из Владимирской области) не пил?

Грубые, явные мутации заметны всем, даже ведется статистика. Но кто ведет наблюдение за мутациями нашего сознания, нашей нервной системы? Это же ясно, что последствия алкоголизма, массового в нашей стране, это не только и не столько физические отклонения. Эпидемия наркомании – это естественное следствие, давшее буйные плоды на благодатной почве. Алкоголь не зря называют «оте-

чественным наркотиком». Моя дочь – это я, ее отец (тоже, кстати, любитель) и все наши пившие предки с обеих сторон, записанные в генах и переданные по наследству.

Не мне судить моего отца. Теперь, когда накопился свой опыт жизни, я понимаю, почему он пил: война, рухнувшие планы стать художником (он остался без правой руки и с искалеченной левой), семь лет лагерей после войны, нищета. Та страна, которая кому-то кажется утраченным раем, начала проявлять реальную заботу о тех, кто пришел с войны калеками, где-то в семидесятых. Тогда появились полноценные пенсии, давали жилье, были льготы на лечение или приобретение... ковров, например. Получив ковер, простой советский инвалид чувствовал, что Родина его не забыла и ценит пролитую им кровь. Но до этого такие как мой отец чувствовали себя ненужными, людьми второго сорта. На нашей улице мы были самой бедной семьей. У нас был самый плохонький забор и маленькая времянка вместо дома, в которой я родилась и выросла.

Инвалиды тянулись друг к другу и, конечно же, пили вместе. Из раннего детства помнится: сижу на маленькой лавочке рядом со столом, за которым мой отец с друзьями-инвалидами. На столе бутылка дешевого вина, граненые стаканы. Отец рассказывает о том бое, в котором его ранило: девятнадцатилетний мальчишка в сырых окопах с винтовкой против танков. Отец закрывал мокрое от слез лицо культишкой, показывая, как инстинктивно пытался спрятаться от рвущихся

вокруг снарядов и от руки с наградными часами – единственным, что осталось от командира при прямом попадании.

Он рассказывал, как хотел покончить собой в лазарете, потому что не знал, как ему жить. Старенький мудрый доктор перевел его в палату, где лежали такие же мальчишки, как он, только без рук и без ног – обрубки. Среди них он был самый здоровый, это его отрезвило. Этот рассказ отца прочно врезан в память и отрезвляет меня в трудные минуты.

Он почти не рассказывал о послевоенных лагерях, стыдился. Стыдился того, что участвовал в воровстве. Молодому парню хотелось есть, а на пенсию можно было купить одну буханку хлеба, и не было рук, чтобы заработать. Эти глубоко загнанные внутрь боль, обида, страх, стыд прорывались дикой злобой, когда алкоголь отключал сознание.

Деды

Недавно, будучи в Москве, я позволила себе сделать крик и проехать на родину моих предков – во Владимирскую область, маленький городок Юрьев-Польский, ровесник Москвы. В центре города миниатюрный кремль – та крепость, с которой город начинался, отреставрированный и переоборудованный под музей. Город входит в знаменитое туристическое «Золотой кольцо».

Поднявшись на колокольню, я увидела на стене рисунок: внутренний двор кремля с этой же колокольней, с которой только что сбросили колокол. На колокольне люди с красным флагом. Во дворе женщины в платочках, в безмолвии или в слезах. Мне казалось, что я видела это во сне, или запечатлела детским воображением рассказ крестной матери, которая присутствовала при том, как мой дед, герой Первой мировой и Гражданской войн, вместе с партийными друзьями рушил храмы с тысячелетней историей и сбрасывал колокол именно с этой колокольни. Можно понять, почему моего деда никто не любил в этом городке. Моя верующая и очень добрая крестная мать не могла даже в конце жизни рассказывать об этом без слез.

В одном из таких храмов, ставшем партийным клубом, мой дед закончил свою карьеру, позорно докатившись по причине пьянства и любви к женскому полу до заведующего

щего. Умер он, задохнувшись от астмы, одинокий и не любимый никем. Видела своего деда я всего один раз – скрюченного, высохшего от мучительной болезни старика, едва выползшего на улицу посидеть с нами на лавочке. У меня сохранилась фотография, где мы втроем в той поездке: я, мой отец и дед в строгом «сталинском» френче.

Еще сохранилась фотография деда молодого, в военной форме, Георгиевского кавалера Первой мировой. Он вернулся живым и невредимым, но за это время умерла от тифа жена и осталось трое малых детей. На моей бабушке он женился уже после революции и Гражданской, нажил еще двоих детей. Пил он всю жизнь и был очень буйным, потому брак распался, и все дети остались с бабушкой.

Дед по линии матери остался вдовцом с восьмью детьми в нищей российской деревне в тридцать шесть лет. Детей поднял, но глушил свое горе горькой.

Только краткий перечень событий жизни моих дедов и отца трансформируют личную драму в глобальную трагедию нашего народа. Ничего удивительного, что с нашей историей двадцатого века, с ее сильнейшими потрясениями, людям требовалось средство, хоть как-то смягчающее душевную боль. Ученые говорят, что девяносто процентов наркоманов – это потомственные алкоголики. Они ли виноваты в столь тяжелой наследственной болезни?

Некоторое время тому назад я посмотрела фильм «Юрьев день» режиссера Кирилла Серебренникова. Действие филь-

ма разворачивается в Юрьев-Польском, родном городе главной героини, куда она приезжает попрощаться перед отъездом в другую страну. Сюжет очень прост: она теряет и ищет сына, и никак не может его найти. И все происходит на фоне спивающейся, деградирующей, нищей российской глубинки в двухстах километрах от Москвы. Фильм уже получил много заслуженных премий и, одновременно с высокой оценкой, получил многочисленные резкие высказывания за преувеличенно негативный взгляд на русский народ. Но я была в Юрьев-Польском в год выхода фильма. И мое впечатление сродни видению режиссера: Россия спивается и деградирует, а детей мы теряем.

Предтеча

Я искала выход, бросалась на все столбы с объявлениями, обещавшими помочь, советовалась с людьми. В нашем доме стали появляться представители различных религиозных реабилитационных центров – волонтеры, сами в прошлом наркоманы, сознательно помогающие людям. Мне предлагали увезти Марию в другой город силой и хитростью: дать уколиться, погрузить в машину, на месте ее уже будут ждать и знают, что делать. В центре человек «переламывается» под жестким контролем, а потом остается на длительный период, тоже подконтрольный и платный. Я была согласна на все, но дочь не жила дома. Я еще надеялась ее уговорить, убедить, обманывалась сама, что, может быть, это еще не настолько серьезно, и можно как-то малыми жертвами... Одним словом, я думала, как и все родители, боящиеся увидеть истинное лицо болезни.

Литература и люди постепенно открывали мне глаза. Книг было немного, но все они давали общую картину развития болезни: от легких наркотиков к тяжелым, от случайных проб – к системе, от контроля потребления (когда захочу) – к полной подчиненности (когда наркотик нужен не для кайфа, а чтобы хоть как-то жить), от отдельных негативных черт – к устойчивым изменениям и деградации личности. Я не могла не видеть, что все это уже происходит в моей жизни.

В один из реабилитационных центров, точнее его представительство в нашем городе, я пыталась приводить Марию, приходила сама. Работавшие в нем бывшие наркоманы стали бывать у нас дома, беседовали, когда удавалось, с дочерью, регулярно звонили, интересовались нашими делами. Была протянутая рука помощи, одной мне было бы гораздо тяжелее.

Особенно я подружилась с Ильей – умным, тонким, интеллигентным двадцативосьмилетним человеком. К тому времени у него было шесть лет жизни без наркотиков. А до этого – годы героиновой зависимости, «проколотая» квартира в Киеве. Он был очень талантлив и учился в двух вузах сразу: на физика-атомщика, как погибший в Чернобыле отец, и в институте культуры, потому что был неоднократным чемпионом в бальных танцах. Героин перечеркнул все. Несколько раз пытался покончить собой, спасали. Был карманным вором, когда понадобилось, тоже талантливым. Последний год, когда мать с отчимом отказали ему в приюте, с товарищем, больным СПИДом, устроили в съемной квартире наркоманский притон: варили и кололи для себя и других. Его друг умер, а он, живший и коловшийся с ним рядом, был уверен, что тоже болен. Когда у него была очередная передозировка и его забрали в реанимацию, первое, чему он удивился, увидев анализы, что не инфицирован. «Я подумал, что это чудо. Бог есть! И мне захотелось жить!» После этого он попал в тот реабилитационный центр, где сегодня рабо-

тает.

Как-то мы сидели вдвоем в холодной комнате, пили чай, чтобы согреться. Он рассказывал о своей жизни, не рисуясь и не стыдясь, тихо и спокойно. Илья говорил о том, что его выздоровление – это потому что он поверил и пошел вслед за Богом. И это не чудо – что Бог спасает, а многократно повторенная практика их реабилитационного центра. От него исходили уверенность и сила. Он не навязывал своих религиозных убеждений. Я открыто говорила ему, что являюсь православным человеком, но это не было препятствием для нашего общения. Он предлагал помощь, которую я искала, и я пошла этой помощи навстречу. Тем более, что в их центре можно было посещать и православный храм, и мусульманскую мечеть, и любое религиозное собрание, было бы желание. Мою дочь ждали, но она сделала иной выбор, когда после суда убежала, и о чем потом очень жалела.

Нахожу запись в дневнике: «Вчера вечером молились вместе с Ильей. Нас было двое, так просто и искренне говорил он с Господом в своей молитве, как можно говорить только с действительно любящим отцом или самым душевным другом. Этот мальчик сегодня является для меня учителем в вере. Я даже не знаю, к какой церкви он относится. Он так печально и мудро посмотрел на меня, когда я это пыталась уточнить... Сама читала в Евангелии, что по вере и по делам будут судить нас, а не по названиям наших церквей. Это не я, годящаяся ему в матери, очень православная, а он говорит

мне: «Я знаю, что сильно подорвал свое здоровье, и не известно, когда мне будет суждено уйти. Но я хочу предстать пред Богом и сказать Ему: «Я сделал все, что мог, чтобы искупить свою вину. Я счастлив, что имею возможность отдавать долги, помогая другим».

Этот мальчик учит меня любить ближнего своим примером. Что я могу сказать Богу, если предстану пред Ним сегодня? Что стремилась к духовным знаниям? Что посещала церковь, что молилась и думала, что я верующая? А что я сделала для того, чтобы вера стала не теоретической, а практической? Этот мальчик помогает мне увидеть Бога в ближнем. Разве я видела Бога в наркомане, или пьянице? В моих глазах это был последний падший. Но если смыть грязь, то получится Илья и его друзья – бывшие наркоманы, вышедшие из ада, с верой живущие. Но если такое преобразование возможно было с ним, значит оно возможно и с моей дочерью, и со мной».

Очень православные

Одним из направлений работы реабилитационного центра, где работал Илья, было приглашение родителей наркозависимых для бесед, особенно тех, кто еще не мог определиться, как и где лечить сына или дочь. Кстати, при огромном числе больной молодежи родителей приходило очень мало. Чаще приходили матери, растерянные, заплаканные, не знающие, что делать. Им объясняли, что, находясь на реабилитации, ребята будут посещать богослужения еженедельно и совместно изучать Священное Писание каждый день. Им говорили, что сами мамочки должны молиться, предлагалось помолиться вместе, и здесь с мамочками что-то происходило. Из плачущих и растерянных они преображались в боевые квочки: «В какую секту заманивают нас и наших детей?! Мы – православные!» Я задавала им пару вопросов и понимала, что, в лучшем случае, они православные «захожане». Есть такое ироничное наименование для тех, кто приходит в храм пару раз в год свечку поставить или пасхальный кулич посвятить. Исполнение некоторых обрядов позволяет им считать себя православными и верующими. Большинству из них даже невдомек, что это еще не вера, а только подступы к ней. Но когда возникал вопрос о службе и молитве не канонично-православной, они становились на дыбы и яростно провозглашали себя православными. Они становились похо-

жими на религиозных фанатиков. Но настоящих фанатиков среди них не было, фанатик пришел бы со своей бедой только в храм или в монастырь.

Для меня это было поводом для вопроса-проверки себя: не изменяю ли я настоящему – Христу, вере, церкви, истине? Я спрашивала разных людей и получала разные ответы, но мне нужен был ответ убедительный.

На тот момент в Крыму не было ни одного православного реабилитационного центра для наркоманов и алкоголиков, обращаться некуда. На Украине было два-три, но мужские. При этом было много протестантских, где я видела искренне верующих молодых людей с наркоманским прошлым, радостных, здоровых, активно помогающих тем, кто хочет вырваться из наркоманской паутины. Они верили в Бога, верили в Христа, как Спасителя, так же, как и я, но у них другая форма обряда и другие молитвы. Я понимала, что без Бога мне из этой беды не выйти, а у них большой положительный опыт. Если я доверю своего ребенка верующим людям и буду продолжать молиться, изменю ли я Богу? Мой ответ: нет, не изменю ни Богу, ни вере. Мой батюшка мне дал мудрый совет: «Читай Евангелие, там все ответы найдешь, и тогда тебя никто с толку не собьет». Я искала подтверждение и нашла его. Есть место, где ученики говорят Христу, что встретили человека, который Его именем изгоняет бесов, но не из их группы, и запретили ему это делать. На что Христос сказал: «Не запрещайте ему, ибо никто, сотворив-

ший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня. Ибо кто не против вас, тот за вас» (Мк. 9:39—40).

Знаю, насколько опасно трогать тему, кто из христиан более правильный, но не могу удержаться. Я как мать на пожаре перед домом, в котором может сгореть ее ребенок. И кто-то бросается в огонь и спасает его. Мне ли не давать ему этого делать, не выяснив, правильно ли он верит в Христа?! Или после с ним разобраться? Я не навязываю свой вывод, но мой был таким: если мы, православные, считаем себя в чем-то более правыми, то это означает только то, что мы должны быть примером, а не обвинителями и судьями. Второе: если кому-то удастся лечить и учить во имя Божье, то не осуждать его надо и не мешать, а учиться у них, если мы не умеем.

Страшный август

Я продолжала жить, отремонтировала мамину квартиру, ездила на обучающие семинары, ходила на встречи в группу при наркологическом диспансере. А ситуация с дочерью тем временем все ухудшалась. Она жила где-то со своим «другом», очень редко отвечала на телефонные звонки. Несколько раз мы виделись, и это было тягостное зрелище. Она превращалась во что-то серое, невменяемое.

Я уехала по делам в Москву. Внутри было предчувствие беды, даже молитва шла туго. В одно из воскресений мои друзья повезли меня в подмосковный монастырь. Первоначально отреставрированные стены, ухоженные аллеи, безлюдно в дождливый день. Я ходила по нему, как по музею, полуживая, как будто внутри меня остановилось время. Зашла в один из приделов храма. Друзья сказали, что здесь они исповедуются перед причастием. В полумраке смотрели сурово на меня лики с икон и поблескивали большие ковчеги с мощами святых Оптиной пустыни, Киево-Печерской лавры, Афона. Слезы хлынули из глаз сами собой, это плакало мое сердце. Я не могла ничего сказать, забыты были все молитвы, но из самой сердцевины вырвалось: «Святые угодники Божии, вас так много, вы такая сила, а у меня дочь погибает! Помогите, сделайте хоть что-нибудь, чтобы ее спасти!»

Позже я рассказывала Марии об этой молитве в монасты-

ре, и оказалось, что именно в этот день и в это самое время ее «приняла» милиция с поличным. За их квартирой давно велось наблюдение, так как «друг» уже имел условный срок. Мария хотела от него уйти, у них были скандалы, даже драки. Они оба понимали, что ее держит только необходимость иметь дозу каждый день. В один из дней она поехала запастись качественным «товаром» для себя, чтобы уйти и протянуть какое-то время без ломки, которой очень боялась. Машина с опергруппой собиралась взять их обоих в квартире, но когда дочь вышла, милиция решила последовать за ней в старый город, где ее взяли одну. И это, как потом оказалось, ее спасло. Если бы арестовали обоих в квартире, где был склад наркотиков и куда регулярно приходили покупатели, статья была бы намного серьезнее: группа, распространение, крупные размеры, а так ее взяли как покупателя нескольких доз для себя. Быстро дошла моя молитва, милосердие Божье проявляться может и таким образом, как ни печально.

Не плати

Дочь рассказывала, что когда шло следствие, особенно первые недели, была согласна подписать любые бумаги с любым признанием, лишь бы только ее отпустили в камеру, потому что это было время ломки. В этом состоянии с человеком можно делать все что угодно ради выполнения плана по раскрытию преступлений, это знают все. Не понятно, почему наша система не предусматривает в практике ведения наркоманских дел снятие тяжелейшего состояния отравления, чтобы больной химической зависимостью человек мог адекватно отвечать за свои слова и поступки.

Нет, я не в обиде на полицию и суд, и не потому, что боюсь встречи с ними. Всей сложной кухни их работы обычный человек и представить себе не может. В моем случае я увидела вполне дружелюбное отношение как оперативников, так и следователей. Расследование провели быстро и не старались «завалить» девчонку, приписать лишнее, открыто говоря мне: «Она у вас не конченная. Конченных мы видели много, сделайте все возможное на суде». Даже рекомендовали своего адвоката, который хорошо разбирается в таких делах.

К тому времени я уже была подкована с точки зрения закона и технологии ведения наркоманских дел. Это очень важно – знать законы, касающиеся наших больных детей, и знать опыт других родителей. Опыт этот говорит: если вам

следователь рекомендует адвоката, ни в коем случае не пользуйтесь им. Чаще всего это сговор, взаимовыгодный и не бескорыстный, поставка клиента от следователя адвокату и подгонка дела под оплату того, сколько с вас можно сдернуть. Адвоката я наняла своего, молодого, честного, верующего человека, с нормальной, принятой в их среде оплатой, без всяких завышений. Но самое главное – мною было принято решение: не лгать самой и не платить за ложь, чтобы помочь дочери выкрутиться. Такой вариант предлагался ее отцом, который говорил мне: «Ты во всем виновата, поэтому должна заплатить в одно место две тысячи, в другое – три, и это в долларах, конечно, и тогда все будет самым лучшим образом».

Принять решение не платить было очень непростым для меня, ведь ни для кого не секрет, что система работает за деньги более надежно, чем когда их нет. Не все родители, имея деньги, удерживаются от оплат тут же возникающим «помощникам». Даже не имея денег, влезают в долги и «спасают». Но мой опыт подтверждает опыт тех, кто говорит: платить за то, чтобы вашего любимого наркомана выпустили, нельзя. Этот урок необходим для спасения его жизни. В тюрьме наркоманы живут! А на воле они быстро гибнут от передозировок, от поддельных некачественных наркотиков, от болезней, от суицидов и многого другого, что сопровождает их жизнь. Никто в тюрьме их не лечит, и даже во время ломок никто не помогает, но, переболев, обретя яс-

ное сознание, они задумываются: «А зачем мне это надо? Я ведь хочу и могу жить иначе». Тюрьма может стать тем дном, от которого можно оттолкнуться.

Принять решение не платить, я не боюсь повториться, очень трудно. Очень хочется спасти! В очередях следственного изолятора, когда по многу часов ждешь возможности сделать передачу, родители делятся опытом и оплаты, и результата. Нужно хорошо понимать, что когда вы даете взятку в полиции или в суде, то вы полностью неправы. Обещать вам могут что угодно, но это не значит, что обещание будет выполнено. В этой среде и около нее достаточно наглых вымогателей, не стыдящихся наживаться на вашей беде. «Ну, заплатили! Ну, не получилось! Нельзя было больше сделать за ваши деньги!» При этом вы ничего не проверите, ничего не докажете и ничего не сможете вернуть. Но стоит только начать платить и откупаться – и ваш дорогой в прямом и переносном смысле наркоман начинает наглеть и быстро залезает снова в подобную ситуацию – выкупили раз, выкупите и еще. Родители становятся кормушкой для системы оборотней и сами способствуют развитию болезни сына или дочери. Потому что когда за него платят другие, наркоман лишается повода задуматься о своей жизни.

Если подходить здраво, то первое, что нужно знать, действительно спасая своего ребенка, это законы. Вероятность попадания на скамью подсудимых у наркомана очень велика, и надо быть готовым. Тогда ты не впадаешь в истерику,

знаешь этапы своих действий, знаешь права, которые могут нарушаться, и имеешь возможность не допустить этого. Тогда ты знаешь, как вести себя с оперативником, со следователем, с судьей, адвокатом и прокурором. Если ты знаешь законы, тогда меньше вероятность, что вашим невежеством воспользуются. Мне приходилось осваивать эту науку по ходу дела, и я допустила ряд промахов. Например, мне стоило денег узнать, что по украинскому законодательству близкие родственники наркомана имеют право быть общественным защитником. Это дает возможность после окончания следствия и до суда (а это может быть не один месяц), во время нахождения наркомана в следственном изоляторе, видаться каждый день один на один и обговаривать важные детали дела, поддерживать морально, что очень важно, поверьте. Вы в этом заинтересованы больше, чем ваш платный адвокат. Он все-таки посторонний человек, и у него таких дел не одно. Это дает право участвовать и защищать своего близкого на суде и контролировать ситуацию.

Страшно было не платить и не спасать, и не одна бессонная ночь была проведена с этим вопросом. По тому, как дело было предоставлено в суде, дочь шла по статье от пяти до восьми лет, и если бы даже дали минимум, то для двадцатидвухлетней девушки это была ужасная перспектива. Не одну истерику дочери я выдержала, которая умоляла меня заплатить, угрожала покончить собой. Ей вменяли покупку с целью распространения, она попалась с наркотика-

ми второй раз за год к тому же судье и к тому же прокурору, которая была резко настроена против предыдущего мягкого приговора, освободившего мою дочь для лечения. Всем было ясно, что произошел не просто рецидив, а ухудшение ситуации. Как в таком случае могут повести себя прокурор и судья, мы не знали.

Пройдя пять судов за последние десять лет, я прихожу к странному, на первый взгляд, выводу. Где-то в глубине, на уровне подсознания, в нас крепко сидит убежденность, что суды существуют для того, чтобы наказывать и засуживать. Это рефрен существовавшего весь советский период обвинительного направления в юриспруденции. Но, оборачиваясь назад, я говорю, что в моем случае все приговоры были очень милосердными, надеюсь, что я не исключение. При этом мне, обычно, нечем было платить, оставалось только молиться. Милосердным был приговор и на этот раз. Третье заседание суда сделало нас счастливыми: с дочери было снято обвинение «приобретение наркотических средств с целью сбыта», изменилась статья и срок наказания. Адвокат, выйдя из зала заседания, выдохнул: «Это вам подарок от Бога! Окончательный приговор: тринадцать месяцев поселения».

Тюрьма

Пока шли суды, у нас с дочерью была возможность встречаться по несколько раз в неделю. В ней происходили заметные перемены. Мария стала ясно все понимать, и это была страшная для нее ясность – что причина случившегося в ней самой, ее предупреждали, ее уговаривали не идти к такому финалу. Больше всего она боялась ломки – боли при отказе от наркотиков. В следственном изоляторе она пережила ломку, как наркоманы выражаются «на сухую», без помощи близких и врачей, без лекарств. Оказывается, можно это пережить, но очень не хочется повторять. В следственном изоляторе она увидела много людей с исковерканными судьбами, и виной тому очень часто был алкоголь или наркотик. Бывшие детдомовки удивленно спрашивали ее: «Что ты здесь делаешь? У тебя есть все, что нужно для нормальной жизни: красавица, есть жилье, высшее образование, возможность работать. Зачем тебе наркотики?» Через эти вопросы она увидела свою историю, когда каприз и прихоть становятся кабалой и адом. Сознание прояснялось, но вместе с тем становилось больно и стыдно за свою жизнь и страшно за будущее.

Ее состояние в первые два месяца было нервное, и это понятно. В наших тюрьмах и следственных изоляторах (там, где человек еще не наказан и не обязательно будет наказан)

нет практически никакой медицинской помощи: сам виноват, само пройдет. Ее состояние было бы нервозным даже без химической составляющей, когда понимаешь, что тебе светит по собственной вине лет шесть-семь, а кем и какими выйдут через эти шесть-семь лет, она уже видела. Истерика следовала за истерикой: «Сделай что-нибудь, только чтобы этого не случилось!» Дочь хотела свободы, а я видела, что она, быстро деградирующая наркоманка, в условиях изоляции начала становиться сама собой. Реальная жизнь в тюрьме ее пугала, но это была уже жизнь, а не ежедневное самоубийство.

Четыре месяца в следственном изоляторе при вынужденном отказе от наркотиков – это слишком маленький срок, чтобы действительно одолеть свою страсть. Дочь кричала мне: «Нет! Нет! Ни за что и никогда!» Это радовало, ведь раньше она так не говорила. Когда человек кричит, припертый к стенке обстоятельствами, это очень плодотворное время для работы с душой, для психолога, например... Смешно! Психологом приходилось быть мне. Не имея ни опыта, ни особых знаний, только материнскую любовь и желание, чтобы излечение началось, я вела с дочерью долгие беседы. Не раз надзиратели заглядывали к нам в комнату для свиданий, удивляясь, почему мы то плачем, то хохочем. У нас в следственном изоляторе были замечательные встречи! Я выходила из тюрьмы счастливая, потому что опять могла общаться со своей любимой девочкой, а не монстром-нарко-

манкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.